

Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики

Генетическая классификация дардских языков до недавнего времени оставалась во многом неясной. В частности, не получил убедительного ответа вопрос о наличии восточнодардской подгруппы. Проведенное недавно исследование восточнодардского лексического материала в рамках усовершенствованного лексикостатистического метода показало, что восточнодардские языки, несомненно, составляют генетически единую языковую общность. В настоящей статье делается попытка выделить общие для них историко-фонетические инновации. Автору удалось обнаружить пучок из четырех изоглосс, явно отличающих восточнодардские языки от всех прочих дардских. Хотя часть этих изоглосс затрагивает и другие языки региона (индоарийские и иранские), весь пучок целиком не встречается нигде за пределами восточнодардской подгруппы.

Ключевые слова: генетическая классификация языков, историческая фонетика, дардские языки, арийские языки.

Несмотря на то что сравнительно-историческое изучение дардских языков имеет достаточно давнюю историю, внутреннее членение дардской языковой общности всё еще остается неясным. Наглядным проявлением этого факта является отсутствие общепринятой генетической классификации: до сих пор исследователям приходится иметь дело с двумя альтернативными классификационными схемами. Первая из них, предложенная в начале минувшего века Дж. Грирсоном [Grierson 1919], показана ниже на рис. 1. Впоследствии эта классификация неоднократно подвергалась критике. И хотя критика нередко была справедливой и заставляла существенным образом корректировать конфигурацию родословного древа¹, взгляды Дж. Грирсона, как будет показано далее, в целом ряде аспектов не утратили актуальности в настоящее время и поэтому никоим образом не должны полностью отбрасываться как устаревшие. Вторая классификация была предложена Г. Моргенштерне и позднее несколько откорректирована Р. Стендом [Morgenstierne 1961; Strand 1973; 2006]. Она отличается большим количеством ветвей (см. рис. 2), а также их статусом: Г. Моргенштерне рассматривал дардские языки как индоарийские, утверждая при этом, что они не образуют генетически единой подгруппы внутри индоарийской группы.

Обе приведенные классификационные схемы являются во многом интуитивными и далеко не всегда опираются на строгие сравнительно-исторические критерии. Неслучайно исследования последних лет показали, что некоторые идеи, высказанные как Дж. Грирсоном, так и Г. Моргенштерне, не могут быть приняты. Это, в частности, относится и к утверждению об отсутствии дардской языковой общности и принадлежности дардских языков к индоарийской ветви. Данные исторической фонетики, лексико- и этимоло-

¹ В частности, была убедительно показана невозможность предлагавшегося Дж. Грирсоном включения в дардскую группу нуристанских («кафирских») языков [Morgenstierne 1926; 1932; 1945₂; 1961; Buddruss 1977; Strand 1973; 2006; Edelman 1983; Эдельман 1992].

Рис. 1. Классификация языков дардской группы по Дж. Грирсону

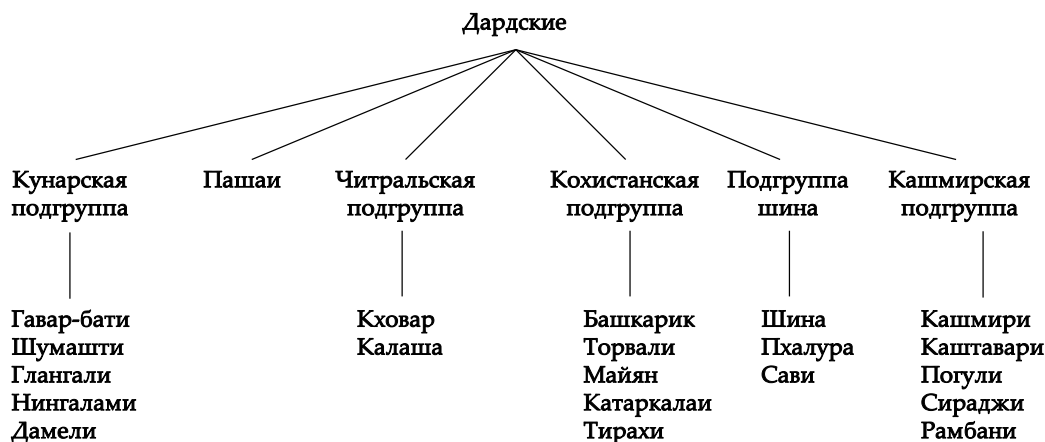

Рис. 2. Классификация языков дардской группы по Г. Моргенстьерне

статистики свидетельствуют о том, что дардская общность, несомненно, носит генетический характер, а ее обособление относится ко времени распада индоиранского единства [Коган 2005]. Интуитивный характер существующих классификаций и недоказанность целого ряда их положений заставляют вновь вернуться к вопросу о филиации дардской языковой общности.

В нашей недавней работе [Васильев, Коган 2013] этот вопрос был рассмотрен с позиций лексикостатистики. Результаты лексикостатистических подсчетов обрабатывались в соответствии с двумя альтернативными методиками: методом ближайших соседей, используемым в системе Starling, и разработанным М. Е. Васильевым методом наименьших средних отклонений (подробное описание этого метода см., например, в [Васильев, Коган 2013]). Два родословных дерева, построенных в соответствии с этими методами, приводятся на рис. 3 и 4.

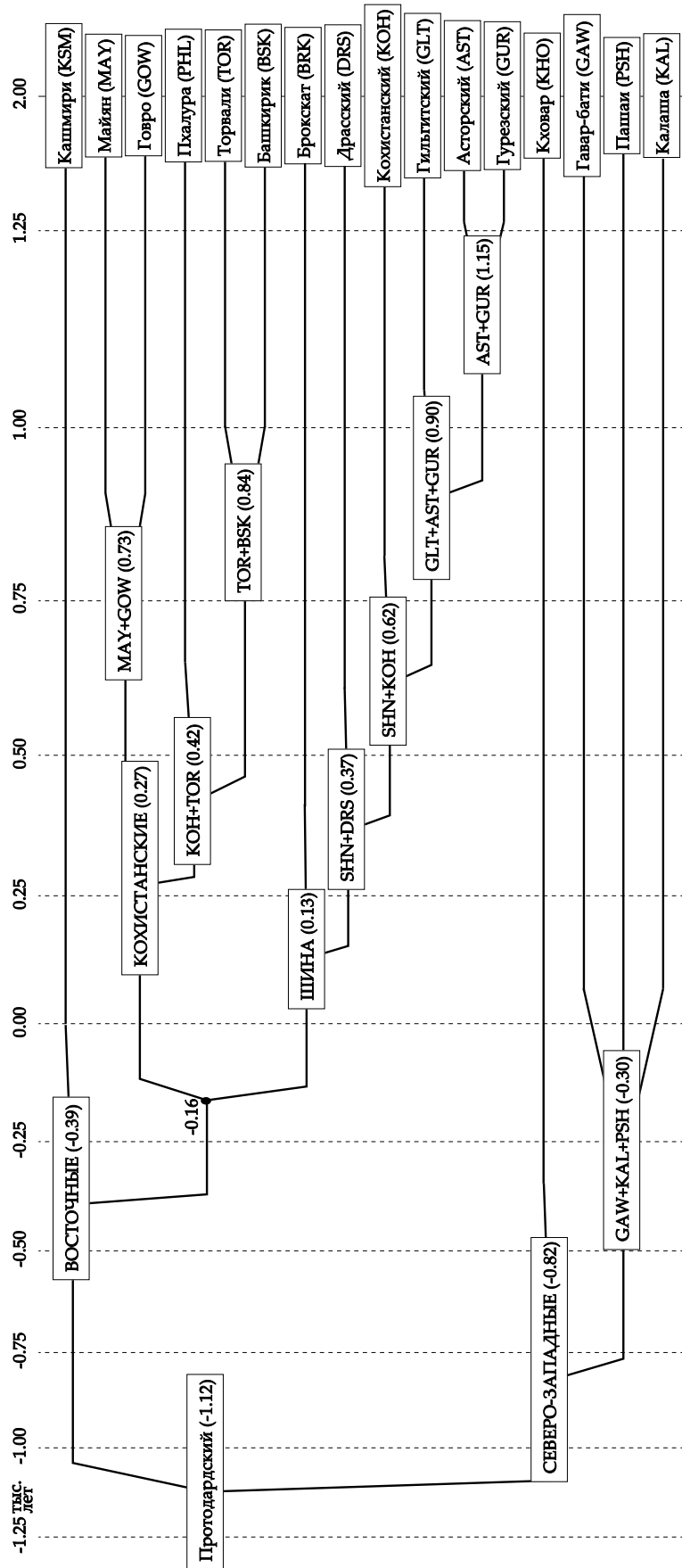

Рис. 3. Датированное родословное древо дардских языков, построенное в системе Starling методом ближайших соседей

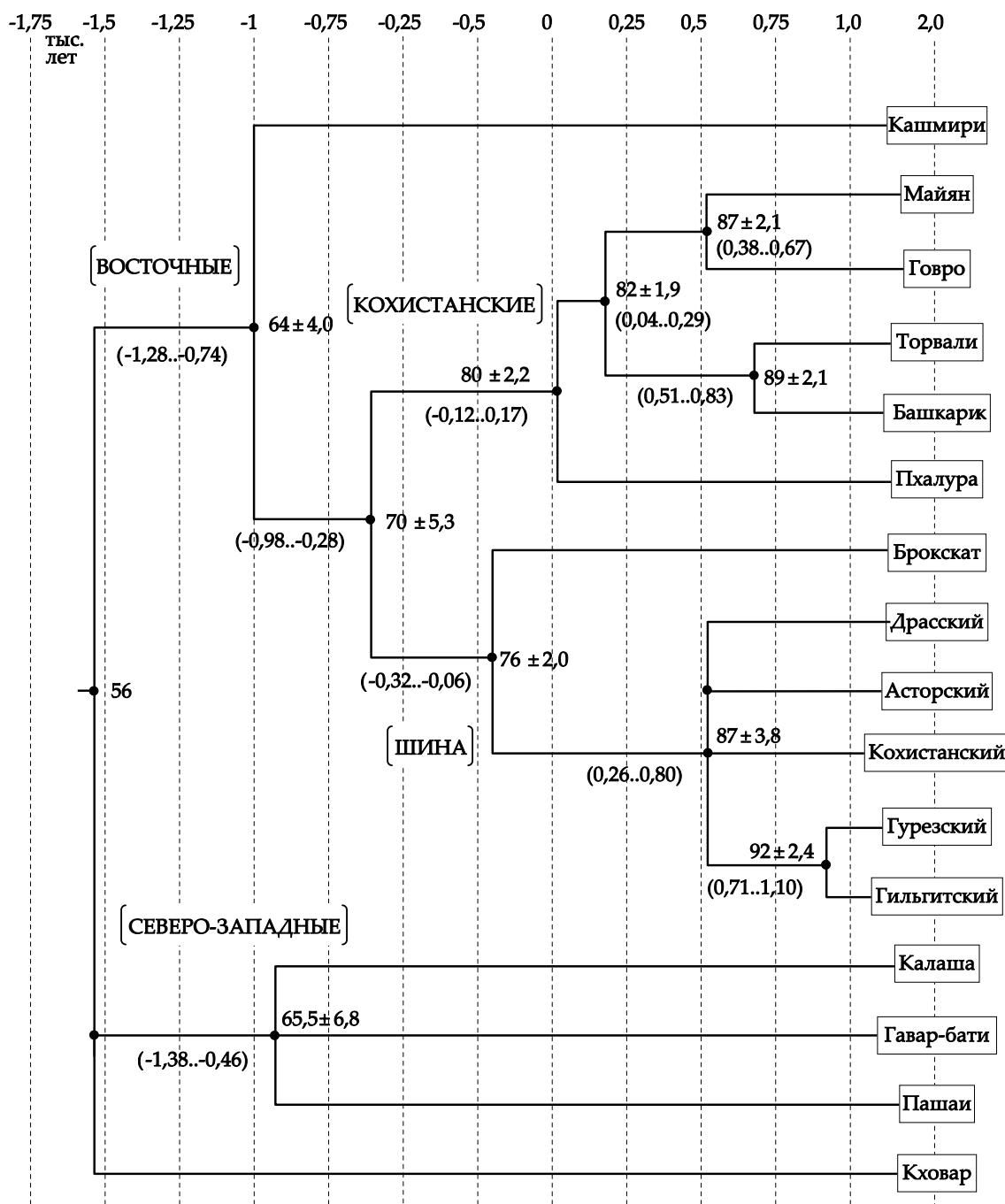

Рис. 4. Родословное древо дардских языков, построенное методом наименьших средних отклонений

Как можно видеть, классификационные схемы, полученные нами с использованием двух разных методик, оказываются практически идентичными. Кроме того, обращает на себя внимание близость этих схем к классификации Дж. Грирсона. Пожалуй, наиболее важным пунктом, в котором они сближаются с последней, противостоя при этом классификации Г. Моргенштерне, является статус восточnodардской языковой общности. Эта общность, включающая кашмири, диалекты шина и кохистанские языки (башкарж, торвали, майян, говро, чилиссо), постулировалась Дж. Грирсоном как

генетическая², однако не признавалась Г. Моргенштерне. При этом открытой полемики по данному вопросу между учеными по непонятным причинам не велось. На приведенных выше родословных деревьях все идиомы, традиционно причисляемые к восточнодардским³, составляют единую ветвь, отличающуюся, впрочем, достаточно длительным периодом дивергенции (более двух тысяч лет). Данный факт не только вносит существенную ясность в «восточнодардскую проблему», но и, несомненно, свидетельствует о гениальной интуиции Дж. Грирсона, предвосхитившего столетие назад результаты, полученные с применением современных компаративистских методов.

Было бы, однако, неоправданным утверждать, что в вопросе о генетических отношениях восточнодардских языков полностью устранены все темные места. Как известно, идиомы, образующие единую генетическую общность, как правило, обнаруживают общие классифицирующие черты на разных уровнях языковой системы. Наиболее показательными при этом чаще всего считаются историко-фонетические изоглоссы. Поэтому в ситуации, когда достаточно тесное родство восточнодардских языков представляется весьма вероятным, естественным было бы попытаться выявить общевосточнодардские классифицирующие инновации в исторической фонетике.

Первая и, по-видимому, единственная такая попытка была сделана Г. Буддрусом. В работе, посвященной языку катаркалаи, он называет три фонетических перехода, являющиеся, на его взгляд, специфически восточнодардскими: *w > b, *st > t(h) и *ʃt > t̪(h) [Buddruss 1960: 71–72]. Более детальный анализ материала, однако, показал, что только второе из перечисленных звуковых изменений может претендовать на общевосточнодардский статус [Васильев, Коган 2013]. Переход *st > t(h) затрагивает прежде всего древнюю интервокальную позицию⁴, причем наиболее архаичным (вероятно, общевосточнодардским) рефлексом интервокального кластера *st является гемината tth [там же]. Показательно, что в дардских языках, не относящихся к восточнодардской подгруппе, данное развитие не встречается. При этом, однако, оно хорошо известно в истории индоарийского, где отмечается начиная со среднеиндийской эпохи [Woolner 1917: 19]. Поэтому, как мы уже указывали [Васильев, Коган 2013], рассматриваемое явление может носить ареальный характер, и его нельзя считать решающим аргументом в пользу тесного генетического родства. Кроме того, для сколько-нибудь надежного обоснования такого родства желательно наличие не одной единственной изоглоссы, а пучка изоглосс.

Выйти из положения в данном случае можно было бы, привлекая для анализа большее число историко-фонетических фактов. Признавая неудачу попытки Г. Буддруса, мы, тем не менее, не видим оснований считать выявление общевосточнодардских инноваций в исторической фонетике неразрешимой задачей. В случае если их удастся обнаружить, можно будет гораздо более определенно говорить о генетических отношениях восточнодардских языков, нежели это позволяет нынешний уровень знаний.

Фонологические системы большинства языков, относимых к восточнодардской подгруппе, довольно архаичны в сравнении с общедардским состоянием. Из относительно немногочисленных историко-фонетических изменений, затронувших древние одиночные фонемы, по-видимому, ни одно не может претендовать на общевосточнодардский

² К восточнодардским, помимо перечисленных выше, относят также неизвестные Дж. Грирсону языки пхалура (с диалектом сави) и катаркалаи.

³ Точнее говоря, все традиционно причисляемые к восточнодардским идиомы, по которым удалось собрать стословные списки. Два предположительно восточнодардских языка — катаркалаи и чилиссо — остались за рамками нашего исследования ввиду крайнего недостатка материала.

⁴ Примеры см. в [Васильев, Коган 2013].

статус. Гораздо больше общего, однако, наблюдается в отражении старых консонантных кластеров. Кроме уже рассмотренного Г. Буддруссом сочетания *st (см. выше), к таким кластерам относится группа *śr, а также ряд групп с начальным носовым.

Древняя консонантная группа *śr (< и.-е. *kʷr, *kʷl), как правило, отражается в восточнодардских языках в виде церебрального *ṣ* или в виде регулярных более поздних его рефлексов: кашм. *ṣāy* ‘место, пристанище’ (*ṣ* < **ṣ*) при шина *ṣū* ‘отдых’, *ṣoiki* ‘прикреплять, прикладывать’, башк., май. *ṣā-* ‘надевать’, пхал. *ṣūm* ‘(я) надеваю’, паш. *ṣe-* ‘приставать, быть прикрепленным’, др.-инд. *śraya-* ‘пристанище’, *śrayati* ‘кладет, помещает’; шина *ṣomoiki* ‘уоставать’, др.-инд. *śrāmyati* ‘устаёт’; торв. *ṣā* ‘голова’ < **śrāya-* [Turner 1966: 736]; торв. *ṣō* ‘рог’ при авест. *sru-* с тем же значением; кашм. *oṣ*, шина *aṣu*, торв. *aṣ* ‘слеза’ при др.-инд. *aśru-* с тем же значением, авест. *asrū* ‘слезы’; кашм. *haṣ*, торв. *raiṣ*, шина *ṣāṣ* ‘свекровь’ при др.-инд. *śvaśrū*, др.-ир. **xvaśrū* > кл.-перс. *xvašū*, пушту *xvāṣa* с тем же значением; шина *miṣoiki* ‘смешивать’, *miṣīlu* ‘смешанный’ при др.-инд. *miśrayati* ‘смешивает’, *miśrita-* ‘смешанный’; пхал. *biṣamilo* ‘отдохнувший’, сави *beṣāmo* ‘медленный’ при др.-инд. *viśramate* ‘отдыхает’; май. *aṣing* ‘hollow of the knee’ < **āśrōṇikā-* [Zoller 2005: 72], *gōṣuil* ‘cowshed’ < **gōśraya-kula-* [Zoller 2005:148], говро *ṣaynār* ‘tendon at hollow of the knee’ при др.-инд. *śrōṇi-* ‘ягодица’, *snāru-* ‘сухожилие’ [Zoller 2005:388]. Исключения довольно немногочисленны и в большинстве своем объясняются относительно вторичными историко-фонетическими процессами. Так, в башкарик и майян отмечены примеры *ṣ* вместо ожидаемого *ṣ* после гласного *i*: башк. *biṣim-* ‘отдыхать’, *biṣom* ‘отдых’ при др.-инд. *viśramate* ‘отдыхает’, май. *miṣ* ‘with’ [Zoller 2005: 338] при др.-инд. *miśrita-* ‘смешанный’. Вероятнее всего, в этих примерах имела место палатализация более старого церебрального, обусловленная благоприятной позицией в слове. Башк. *assun* ‘слеза’, по-видимому, представляет собой заимствование из какого-то восточнодардского языка (ср. кал. *āstru*, г.-б. *anluk* < **āstruk* с тем же значением). В май. *āṣ* ‘слеза’ появление конечной аффрикаты, вероятно, произошло вследствие аналогии с *āṣ(h)* ‘глаз’.

Нерегулярное историко-фонетическое развитие характерно в некоторых языках для этимологических соответствий др.-инд. *śvaśrū* и др.-ир. **xvaśrū* ‘свекровь’: пхал. *preṣ*, сави *praṣ*, башк. *čiš* (*č* < **pr*), май. *iṣo(e)ṣ* (*č* < **pr*). Наличие в них сочетания *pr* (< **spr* или **špr*) или его закономерных рефлексов указывает на имевшую место в прошлом дардскую метатезу — появление согласного *r* в позиции после начального согласного (или последнего согласного начального кластера) под влиянием конечного сочетания типа *Cr* или *rC*. Поскольку в этимологически родственных словах кашмири и шина (*haṣ* и *ṣāṣ* соответственно) следов метатезы не обнаруживается, ее нельзя считать общевосточнодардским явлением. Таким образом, приведенные здесь примеры из пхалура, сави и кохистанских языков можно было бы рассматривать как свидетельство того, что древняя группа **śr* в течение определенного времени сохраняла в этих языках свой второй компонент, а, следовательно, реконструкция ее общевосточнодардского рефлекса в виде **ṣ* невозможна. Однако, поскольку данный тип историко-фонетического развития обнаруживается лишь в одном слове и при этом сосуществует с переходом **śr* > *ṣ* в других словах, речь может идти именно о перебое в звукосоответствиях, требующем объяснения. Наиболее правдоподобным объяснением, на наш взгляд, является заимствование или фонетическое уподобление родственному слову другого дардского языка. Таким языком мог являться, например, калаша или кховар, где в названии свекрови (кал. *iṣpreṣ*, кхов. *iṣpreṣi*) также обнаруживается дардская метатеза, причем сохранение древнего *r* в обоих языках, по всей видимости, регулярно (см. ниже). Влияние на пхалура и кохистанские языки со стороны кховар и калаша представляется нам вполне возможным, поскольку

два последних языка распространены в области Читрал, находящейся непосредственно к северу от Кохистана. В этой же области расположен и ареал языка пхалура⁵.

Переход *śr > ʂ отмечается не только в языках, традиционно причисляемых к восточнодардским. Однако, по-видимому, нигде за пределами предполагаемой восточnodардской подгруппы он не является фронтальным. Так, в калаша он отмечается в начале слова (ср. кал. ʂadar ‘слуга’ при др.-инд. śraddhālu- ‘верный’ [Morgenstierne 1973: 143]; кал. (уртсунский диал.) ʂeī ‘голова’ < *śrāya- [Turner 1966:736], если это не заимствование из языка кати [Morgenstierne 1973: 143]⁶, в то время как в интервокальной позиции (как исторической, так и возникшей вторично) древняя группа śr отражается как str: āstru ‘слеза’ при др.-инд. aśru- с тем же значением, авест. asrū ‘слезы’; ustru~ ‘бедро’ при др.-инд. śrgōṇi- ‘бедра, ягодицы, филейная часть’, авест. sraoni- ‘бедро, ягодица’⁷. Во многом близкая ситуация наблюдается в пашаи. Там в начальном положении *śr отражается как ʂ, а интервокальном — как yr или ir (ср. ʂe- ‘привязаться, пристать’ < *śraya-, др.-инд. śrayati ‘располагается’; ʂeṇī ‘взрослая (о девушке)’ при др.-инд. śrayaṇīya- ‘нуждающийся в пристанище’ [Morgenstierne 1956: 171]; äirik ‘слеза’ при др.-инд. aśru- с тем же значением, авест. asrū ‘слезы’; ʂairū ‘свекровь’ при др.-инд. śvaśrū-, др.-ир. *xvaśrū- > кл.-перс. xvašū, пушту xvāša с тем же значением)⁸.

Ситуация в кунарских языках остается не вполне ясной из-за крайнего недостатка материала. Примеры рефлексов группы *śr как в начальной, так и в интервокальной позиции имеются лишь в одном языке — гавар-бати. Здесь ситуация, по-видимому, близка к таковой в языке калаша. Начальное *śr отражается в виде ʂ (ср. ʂa- ‘ударять; посылать’ < *śrāyaya- [Morgenstierne 1950: 51], др.-инд. śrayati ‘располагается’⁹), а интервокальное — в виде λ (ср. anluk ‘слеза’ при др.-инд. aśru- с тем же значением, авест. asrū ‘слезы’). Латеральный λ является регулярным отражением древней группы *tr [Morgenstierne 1950: 12], а возможно, также и группы *str в интервокальном положении. Таким образом, интервокальное развитие в гавар-бати, несомненно, отличалось от восточnodардского и не приводило к появлению церебрального сибиланта.

В языке кховар древнее сочетание *śr, по всей видимости, сохраняется в неизменном виде как в начальной, так и в интервокальной позиции (ср. ʂgōṇ ‘ягодицы, бедро’ при др.-инд. śrgōṇi- ‘бедра, ягодицы, филейная часть’, авест. sraoni- ‘бедро, ягодица’; aśrū ‘слеза’ при др.-инд. aśru- с тем же значением, авест. asrū ‘слезы’)¹⁰. Таким образом, кховар в данном отношении является наиболее архаичным языком дардской группы.

Из всего сказанного выше нетрудно сделать вывод, что только в тех языках дардской группы, которые традиционно причисляют к восточnodардским, развитие *śr > ʂ

⁵ К языку пхалура весьма близок сави, распространенный, однако, западнее — на востоке Афганистана в окружении носителей языка гавар-бати и испытавший значительное влияние последнего [Buddruss 1967]. Исходя из географического положения сави, можно с большой долей вероятности предположить, что в свой нынешний ареал этот язык был занесен мигрантами из области распространения пхалура, т. е. из Южного Читрала.

⁶ Имеется также пример перехода *śr > ʂ: ʂiṭ ‘лестница’ < *śriṣṭa- [Morgenstierne 1973: 143]. Начальный палатальный сибилант в этом примере, возможно, возник из более раннего церебрального в результате диссимиляции [там же].

⁷ См. также [Morgenstierne 1973:200—201]. Цитировавшаяся выше форма ispreš ‘свекровь’ также, возможно, развилась из более раннего *isprestr с последующей дардской метатезой.

⁸ О развитии древней группы *śr в пашаи см. также [Morgenstierne 1967: 38, 40]. Переход *śr > yr, вероятно, как-то связан с переходом древнего нена начального ś в y. Об этом переходе см. [Morgenstierne 1967: 33].

⁹ В г.-б. ʂouṭo ‘голова’ < *śrāya- [Turner 1966: 736] начальный палатальный сибилант, возможно, возник из более раннего церебрального в результате диссимиляции, вызванной наличием позднего суффикса ʂ.

¹⁰ См. также [Morgenstierne 1947: 7].

характерно для всех позиций в слове. Во всех остальных языках оно либо приурочено к аялау, либо отсутствует вовсе. Поэтому данный переход можно считать, сделав оговорку о его фронтальном характере, общевосточнодардской историко-фонетической изоглоссой.

Весьма близким является поведение в восточнодардских языках старых интервокальных консонантных групп с начальным носовым. Если второй (следующий за носовым) согласный в такой группе в древности был глухим, в современных рефлексах он, как правило, озвончается (ср. кашм. *andar* ‘внутри, в’, *andir* ‘кишка, кишечник’, *andrim* ‘внутренности’, торв. *andarē* ‘в доме’, май. *andirmās* ‘диафрагма (букв. «внутреннее мясо»¹¹), *āz* (*z* < *dr) ‘кишки’, шина (кохистанский диал.) *azo* ‘внутри’, *zī* ‘внутренности’ (*z* < *dr) при др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, *āntra-* ‘внутренности’, авест. *aṅtarə* ‘внутри’, *aṅtara-* ‘внутренний’; кашм. *dand* ‘зуб’, башк. *dlndə* при др.-инд. *dant-*, *danta-*, авест. *daṅtan-* с тем же значением; кашм. *gond* ‘пучок, букет’, *gaṅd* ‘узел’, *gaṅd-* ‘связывать, завязывать’, пхал. *grhēṅṅ* ‘узел’, башк. *gāṅṅ-*, торв., май., *gaṅṅ-*, пхал. *ghāṅṅ-* ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *grantha-*, *granthi-* ‘узел’, *granthayati* ‘связывает, завязывает’, хот.-сак. *grantha-* ‘узел’; кашм. *mand-* ‘сбивать (например, масло), взбивать; расплескиваться’, башк. *mad-*, май. *ma(n)d-*, торв. *mand(h)*-¹² ‘сбивать масло’, батери *madhā* ‘мутовка’ при др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, *manthāna-* ‘мутовка’, хот.-сак. *maṅth-* ‘сбивать масло’; кашм. *wandī*, сави *hemand* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-* то же; кашм. *yendar* ‘прялка’, башк. *yāl* (*l* < *dr), май. *yāz* (*z* < *dr), пхал. *yāṅṅr* ‘мельница’ при др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; ручная мельница’; кашм. *kanguw* ‘мужской гребень’, *kangin* ‘женский гребень’, башк. *kēṅṅ*, торв. *kyāṅṅ*, май. *kang*, пхал. *khyēṅṅiā*, *kēṅṅī*, сави *khyēṅṅiā*, шина *kōṅyī* ‘гребень’ при др.-инд. *kaṅkata-* с тем же значением¹³; кашм. *inz* ‘гусь’, шина *hānzā* при др.-инд. *haṅsa-* с тем же значением). Потеря носового в башк. *mad-* ‘сбивать масло’, батери *madhā* ‘мутовка’, вероятнее всего, связана с диссимилятивными процессами, обусловленными наличием в слове начального *m*¹⁴. В любом случае, данное фонетическое изменение является поздним, на что указывает сохранение старого *n* в генетически наиболее близком к башкарик языке — торвали.

В некоторых восточнодардских языках древнее сочетание *nt(h) отражается в виде одиночного *n*: вот. *dan*, башк. *dlп* (наряду с *dlndə*), торв. *dlп*, май., пхал. *dān*, шина *dṅp* ‘зуб’; шина *maṅ-* ‘растирать, сбивать пахту’; башк. *hāmaṅ*, торв. *himān*, май. *hivān*, шина *yōṅṅ* ‘зима’. Есть, однако, основания полагать, что данное фонетическое развитие прошло промежуточную ступень в виде *nd. Отдельные указания на наличие такой ступени имеются почти в каждом из названных здесь языков. Так, в языке башкарик наряду с формой *dlп* ‘зуб’ мы находим явно более архаичную форму *dlndə*¹⁵. В пхалуре форме ед. ч. *dān* противостоит форма мн. ч. *dānda*, что, по-видимому, указывает на наличие в прошлом позиционного перехода *nd* > *n*, характерного для аялаута. В одном из диалектов майян — кандия в названии зуба (*dōdi*) обнаруживается озвончение глухого при последующей утрате носового. Поствокальный носовой, однако, должен был сохраняться в

¹¹ [Zoller 2005: 67].

¹² См. [Online Torwali Dictionary 2011].

¹³ В шина согласный *ṅ* является вариантом сочетания *ng*.

¹⁴ Возможен, в частности, переход поствокального *n* в назализацию с утратой фонологичности последней в позиции после носового.

¹⁵ Архаичность данной формы едва ли может вызывать сомнения, поскольку переход *n* > *nd* в башкарик не засвидетельствован.

более раннем состоянии языка майян, что следует из сопоставления приведенной формы из кандия с формой *dān*, характерной для ряда других диалектов.

Аналогичная ситуация наблюдается в языке шина. Если в гильгитском диалекте древнему интервокальному **nt(h)* соответствует *n*, то в кохистанском мы в подобных случаях обнаруживаем *d* (ср. гильгит. уōңц, но кохист. уōдц ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-*; гильгит. *bazōno*, но кохист. *bazōdц* ‘весна’ при др.-инд. *vasanta-*; гильгит. *man-*, но кохист. *mod-* ‘растирать, сбивать пахту’ при др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, хот.-сак. *mañth-* ‘сбивать масло’). В том же кохистанском диалекте у ряда существительных с конечным *n* в форме прямого падежа ед. ч. в остальных формах выступает основа на *d*: *don* ‘зуб’ (прям. пад. ед. ч.) — *doda* (косв. пад. ед. ч.) — *dodi* (прям. пад. мн. ч.) — *dodo* (косв. пад. мн. ч.), *ron* ‘тропинка’ (прям. пад. ед. ч.) — *rodi* (косв. пад. ед. ч.) — *rodi* (прям. пад. мн. ч.) — *roduo* (косв. пад. мн. ч.)¹⁶. Древние прототипы таких слов содержали кластер **nt(h)*¹⁷, и противопоставление основ, вероятнее всего, возникло из-за неодинаковой рефлексии более старой консонантной группы в интервокальном и конечном положении. На конце слова она отражалась как *n*¹⁸, в то время как между гласными — как *d*. Для более раннего состояния кохистанского диалекта можно с полным основанием реконструировать группу *nd* в обеих позициях¹⁹.

Таким образом, хотя современная картина, возможно, несколько затемнена междиалектными заимствованиями, а кроме того, частично неясна вследствие недостатка материала, уже сейчас можно с немалой степенью уверенности предполагать для прашина (т. е. для языка-предка современных диалектов шина) переход *nt > nd* в интервокальной позиции, а современные рефлексии *n* и *d* считать результатами относительно поздних историко-фонетических процессов, затронувших кластер *nd*. Подобная же картина представляется нам наиболее вероятной для кохистанских языков и пхалура, где переход *nd > n*, по всей видимости, являлся позиционным фонетическим изменением, характерным для конечной позиции. В языках торвали и майян на поздний характер этого перехода указывает наличие его в отдельных заимствованиях из пушту (ср. торв. *k(h)amān* ‘хозяин, муж’, май. *hāvān* ‘муж’ < пушту *xāwənd* ‘хозяин, муж’), а также отдельные случаи сосуществования более архаичной формы на *-nd* и более новой на *-n* (ср. торв. *rand* и *ran* ‘дорога’ [Grierson 1929: 172]).

Отражение древней группы *nt*, отличное от рассмотренного выше, можно было бы предположить для показателей настоящего времени в языках башкарик и майян (*-ānt* и *-ānt* соответственно). Весьма заманчивым кажется сопоставление этих показателей с общеиндоиранским причастием на *-ant*. Однако некоторые факты заставляют считать данную этимологию сомнительной. В обоих языках формам настоящего времени противостоят формы имперфекта. В языке майян они образуются при помощи показателя *-ās* и представляют собой исторические стяжения с глаголом-связкой прошедшего времени *ās* [Buddruss 1959: 22]. Подобная ситуация характерна и для языка башкарик. Здесь показатель имперфекта имеет вид *-āš*, и конечный элемент *-š* в нем, вероятнее всего, восхо-

¹⁶ См. [Schmidt, Kohistani 2008].

¹⁷ Ср. др.-инд. *panthā*, авест. *pañtā* ‘путь, дорога’. Этимологию названия зуба см. выше.

¹⁸ Необходимо иметь в виду, что нулевая флексия в форме прям. пад. ед. ч. в шина возникла в результате отпадения древних окончаний, начинавшихся с гласного. Таким образом, нынешняя конечная позиция восходит к древней интервокальной.

¹⁹ Такой же точки зрения придерживаются и авторы грамматики кохистанского диалекта шина, предлагающие реконструировать более ранние формы приведенных выше слов как **dond* и **pond* [Schmidt, Kohistani 2008: 48].

дит к связке прошедшего времени $a\check{s}\ddot{u}$ ²⁰ [Morgenstierne 1940: 221]. Логично предположить, что и презентные формы, подобно имперфектным, могли возникнуть из более ранних стяжений с глаголом-связкой. В настоящем времени последний имеет вид $th\ddot{u}$ (м.р.), $th\bar{i}$ (ж.р.) в языке башкарик и $th\ddot{u}$ в языке майян. Отпадение конечного гласного словоформы представляется вполне возможным (ср. форму прошедшего времени в башкарик). Утрата придыхания может объясняться тем обстоятельством, что аспирата th оказывалась на конце конечного консонантного кластера²¹ — в позиции, нехарактерной для этой фонемы ни в майян, ни в башкарик. Только в диалекте каньявали языка майян, где форма презенса имеет в исходе краткий гласный, рассматриваемый показателем имеет вид $-āthā$ ²².

Аналитические формы презенса и имперфекта с глаголом-связкой характерны для целого ряда языков ареала, как дардских (кашмири), так и индоарийских. Во всех этих языках связка сочетается с причастием настоящего времени. Поэтому можно предположить, что элемент $\check{a}n$ (в башкарик — $\check{a}n$), к которому присоединяется усеченная связка, является старым суффиксом причастия. Его можно сопоставить с суффиксом причастия настоящего времени $-ān$ в языке кашмири. Дальнейшие этимологические связи данного форманта требуют специального исследования.

Из всего сказанного выше можно заключить, что для всех восточнодардских языков, по которым в нашем распоряжении имеется достаточно сведений, есть основание реконструировать рефлекс древней группы $*nt$ в виде nd . Остальные рефлексы возникли из более раннего nd вследствие поздних историко-фонетических процессов, а исключения являются, по сути дела, мнимыми.

Большую степень единообразия обнаруживают отражения в восточнодардских языках древних консонантных групп типа «носовой + звонкий». В таких группах обычно происходит утеря второго (неносового) компонента: кашм. $lam-$ ‘тащить, тянуть’, $laman$ ‘волочение, промедление’, пхал. $lam\ddot{u}m$ ‘(я) подвешиваю’, май. $lam-$, торв. $l(h)\ddot{a}m-$ ‘подвешивать’ при др.-инд. $lambate$ ‘висит, свисает; медлит’, $lambayati$ ‘вешает’; кашм. $zān-$ ‘зевать’, $zānan$ ‘зевота’, шина $jāmi\check{z}$ - ‘раззевать рот, зевать’, пхал. $jāmi$ ‘подбородок’, $jāmi$ ‘зевота’, торв. $j(h)\ddot{a}m\bar{i}$ ‘зевота’ при др.-инд. $jambha-$ ‘зуб, клык; челюсти’, $jambhayati$ ‘раззевает рот’, осет. $zæmbun$ ‘зевать’, белудж. $zamb$ ‘кусок’; кашм. on , торв. an ‘слепой’, сави $anatu\check{s}i$ ‘темнота’ при др.-инд. $andha-$ ‘слепой’, $andhas-$, $andhakāra-$ ‘темнота’, авест. $a\check{n}da-$, хот.-сак. $hana-$ ‘слепой’; кашм. $t\ddot{u}n$, башк. $t\ddot{u}n$, торв. $t\ddot{u}n$, май. $tuin\bar{i}$, сави $tu\check{n}\bar{i}$, шина $t\ddot{u}n$ ‘пупок’ при др.-инд. $tundi-$ с тем значением; кашм. bon ‘куча, стопка’, торв. $bān$ ‘нитка, шнурок (надеваемый на шею или руку)’ [Online Torwali Dictionary 2011], май. $blna$ ‘a boundary stone’ [Zoller 2005: 301], шина (гильгитский диал.) $bān-$, (кохистанский диал.) $bon-$ ‘надевать’ при др.-инд. $bandha-$ ‘связь, узы; платина, запруда’, $bandhati$ ‘связывает’, авест. $ba\check{n}daieiti$ ‘связывает’, $ba\check{n}da-$ ‘оковы, узы’; кашм. $gan-$, шина $gān-$ ‘готовить пищу’, башк. $ganp-$ ‘бить, ударять’ при др.-инд. $gandhayati$ ‘подчиняет; мучает; готовит пищу’. Данное фонетическое развитие, по-видимому, прошло промежуточную стадию в виде носовой геминаты. На это указывают отдельные примеры языка башкарик (ср. выше $ganp-$ ‘бить, ударять’), а также факт наличия интервокального m в майян, где обычен переход $m > w$.

²⁰ В XIX в. Дж. Биддалф зафиксировал форму имперфекта с конечным $\check{s}\ddot{u}$: $yān \check{s}\ddot{u}$ (“yānshoo”) ‘I was coming’ [Biddulph 1880: xciii; Morgenstierne 1940: 221].

²¹ Это относится к наиболее частотной форме настоящего времени — форме м. р. ед. ч., имеющей нулевое окончание. По ней могли впоследствии выравниваться и остальные формы.

²² На возможность возникновения формы настоящего времени в каньявали из сочетания с глаголом-связкой $th\ddot{u}$ указывает Г. Буддрусс [Buddruss 1959: 22].

Исключения из данного правила весьма немногочисленны и чаще всего объясняются заимствованием. Так, май. *band*, шина (кохистанский диал.) *bandī* ‘сустав’, вероятнее всего, усвоены из персидского (ср. перс. *band* ‘сустав’) или же контаминировали с соответствующим персидским словом. Май. *sumba(h)* ‘железный наконечник стрелы или трости, железное зубило’, возможно, как полагает К. Цоллер²³, связано с такими новоиндийскими словами, как хинди *sumb(h)ā*, неп. *sumbā*, лахнда (диал. аванкари) *summā* ‘шомпол’, пандж. *sumbā* ‘железный молот’, синдхи *sumbo* ‘металлический пробойник’. Эти последние, однако, несомненно являются иранизмами (ср. кл.-перс. *sumba* ‘шомпол, бурав, поршень’), и их не следует вслед за Р. Тернером [Turner 1966: 778] возводить к не засвидетельствованной нигде древнеиндийской форме **sumbha-*. Отдельные мнимые исключения связаны с ложными этимологиями. Например, кашм. *sōmb(i)r(āw)un* ‘собирать’, вопреки Р. Тернеру [Turner 1966: 751], необходимо отделять от др.-инд. *sambharati* ‘собирает, готовит’. Этот кашмирский глагол является каузативом от глагола *samun* ‘собираться’, образованным при помощи продуктивного суффикса *-(i)r(āw)-* [Grierson 1915–32: 912]. Срединный согласный *b* представляет собой эпентезу, разбившую сочетание *mr*. Эпентеза явно носит факультативный характер, поскольку имеется вариант без нее (*somrāwun*). Появление эпентетического *b* обнаруживается в ряде других примеров, в том числе в заимствованиях (ср. *tembarhendī* ‘тамаринд’ < кл.-перс. *tamr-i hindī* ‘тамаринд, индийский финик’)²⁴. Глагол *samun* в свою очередь, вероятно, восходит к древней основе **samaī-* (ср. др.-инд. *sameti* ‘встречается’)²⁵.

Особым образом ведет себя древнее сочетание **-ng-* (< общеарийск. **-ng-*, **-ngh-*). Чаще всего оно сохраняется в неизменном виде или в виде заднеязычного *ŋ*, являющегося вариантом сочетания *ng* и не противопоставленного последнему фонологически, в отдельных случаях происходит утрата носового компонента (ср. кашм. *ongij*, башк. *angīr*, торв. *āngī*, май. *lŋguī*, пхал. *anguri*, шина (гильгитский диал.) *agui*, (кохистанский диал.) *hañui* ‘палец’ при др.-инд. *aṅguli-*, *aṅguri-*, осет. *ængʷylʒ*, вах. *yanglək* то же; кашм. *zang* ‘нога (выше щиколотки)’, башк. *jēng* ‘берцовая кость’, торв. *jāñ* ‘икра ноги’, говро *zāng*, *zāng* ‘голень’ при др.-инд. *jaṅghā* ‘голень’, авест. *zaṅga-* ‘лодыжка’, ср.-перс. *zang* ‘голень’). Имеются также отдельные примеры перехода **ng > n*. Этот переход имел место тогда, когда вследствие отпадения начального гласного сочетание **ng* оказывалось в начале слова: кашм. *n'oṭh* ‘большой палец’ при башк. *anguč*, торв. *an-gūth*, май. *lŋgō*, пхал. *anguri*, шина *aguṭo*, др.-инд. *aṅguṣṭha-* с тем же значением, авест. *angušta-* ‘палец ноги’; кашм., говро, чилиссо *nār* ‘огонь’ при башк. *āngār*, торв. *añā*, май. *lŋgār*, пхал. *angōr*, шина *agār* с тем же значением, др.-инд. *aṅgāra-* ‘уголь’. Данный переход, вне всякого сомнения, объясняется невозможностью кластера *ng* (а также его фонетического варианта *ŋ*) в начальном положении и, следовательно, носит поздний характер. Поздней является и потеря носового в шина, где она затронула лишь часть диалектов (см. выше). Таким образом, сохранение интервокального *-ng-* следует на определенном (и притом весьма недавнем) историческом этапе предполагать для каждого восточnodардского языка.

Сохранение древнего сочетания **-ng-* является для восточnodардских языков общим архаизмом и поэтому не может считаться классифицирующей чертой. Кроме того, оно

²³ [Zoller 2005: 402] со ссылкой на соответствующую статью словаря Р. Тернера.

²⁴ В кашмири имеются также отдельные примеры появления в заимствованиях неэтимологического *b* после *m* в предвокальной позиции: *kəmbakh* ‘помощь’ < кл.-перс. *kumak* с тем же значением; *gambī* ‘стадо’ < кл.-перс. *gama* с тем же значением.

²⁵ Данную этимологию принимает и Р. Тернер [Turner 1966: 765].

не отличает их от других языков дардской группы (ср. г.-б. *anguṛīk*, нинг. *angū*, кал. *angūryak*, кхов. *angul*, паш. *anguṛī* ‘палец’, шум. *ānguṛ-em* ‘мой палец’; г.-б., нинг., кал., кхов., паш. *angār* ‘огонь’). С отражениями прочих кластеров с начальным носовым ситуация, однако, иная. Насколько позволяет судить доступный языковой материал, их рефлексация во всех языках, не относимых к восточнодардской подгруппе, либо полностью, либо частично отличается от восточнодардской. Так, в языке гавар-бати глухие в позиции после носового не озвончаются (ср. *atran* ‘внутри’ при др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, авест. *aṅtarə* ‘внутри’, *aṅtara-* ‘внутренний’; *dant* ‘зуб’ при др.-инд. *danta-*, авест. *daṅtan-*; *ziāta* ‘живой’ при др.-инд. *jīvanta-* ‘долговечный’, *jīvant-* ‘живой’; *gēṅṭh-* ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *granthayati* ‘связывает, завязывает’; *žāl* ($\lambda < *tr$) ‘водяная мельница’ при др.-инд. *yantra-*; *šāṅkolī* ‘ветка’ при др.-инд. *śaṅku-* ‘кол, палка’²⁶). Группы типа «носовой + звонкий» при этом сохраняются²⁷ (ср. *handādup* ‘темный’ при др.-инд. *andhas-*, *andhakāra-* ‘темнота’; *kandik* ‘плечо’ при др.-инд. *skandha-* с тем же значением). Сохранение глухих в рассматриваемых кластерах предполагается и для близкородственного шумашти (ср. *rōt* ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *paṅtā* с тем же значением; *zāt* ‘змея’ при др.-инд. *jantu-* ‘живое существо’)²⁸. Наличие столь яркого архаизма в современных кунарских языках дает все основания реконструировать его для общекунарского состояния, пусть даже материал по двум другим языкам кунарской подгруппы (глангали и нингалами) крайне недостаточен.

В языке калаша поведение глухих после носового в предвокальной позиции аналогично восточнодардскому, в конечной позиции второй член старого кластера отпадает (ср. *dlp* (уртсунский диал.), *dhlandōyuk* (румбурский диал.) ‘зуб’; кал. *ghrēṇ*, *ghrēṇḍ*²⁹ ‘узел’ при др.-инд. *grantha-* с тем же значением; *heman*, *hemand-* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-* с тем же значением; *phon*, *phond-* ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *paṅtā* с тем же значением). Не вполне ясным остается развитие древнего **t* в составе группы **ntr*. Имеются как примеры озвончения глухого, так и его сохранения: *indrə* ‘внутренности’ при др.-инд. *āntṛa-* с тем же значением; *trun*, *trond-* ‘ткацкий станок’ при др.-инд. *tantra-* ‘нить; паутина; ткачество, ткацкий станок’; *mandr* (уртсунский диал.), *manṭr* (калккатский диал.) ‘слово, язык’ при др.-инд. *mantra-* ‘заклинание, молитва; совет’; *mātr-*, *mātr-* ‘говорить’ при др.-инд. *mantrayate* ‘говорит; советует’; *žontr* ‘водяная мельница’ при др.-инд. *yantra-* ‘инструмент, устройство; (ручная) мельница’³⁰. Наиболее вероятным объяснением разнобоя рефлексов нам представляются междиалектные заимствования. Если это объяснение верно, следует предположить сохранение кластера **ntr* в неизменном виде в части диалектов калаша, а следовательно, и в пракалаша. Данная историкофонетическая черта четко противопоставляет калаша восточнодардским языкам, где в этом кластере происходит озвончение глухого (примеры см. выше).

²⁶ Примеры см. также [Morgenstierne 1950: 11–12]. Отдельные случаи озвончения после носового (*hemand* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-*, *wasand* ‘весна’ при др.-инд. *vasanta-*; *khēṅgī* ‘гребень’ при др.-инд. *kaṅkata-*), вероятнее всего, объясняются заимствованием из соседних восточнодардских языков или калаша (ср. кал. *heman(d)-* ‘зима’, кал. *bāsund-*, пхал. *basānd* ‘весна’; пхал. *kēṅgī* ‘гребень’). Заимствование должно было иметь место в относительно раннюю эпоху — до перехода **w > b* в пхалура и калаша. Следует отметить, что данное объяснение представляется нам единственно правдоподобным при нынешнем уровне знаний: предполагать иноязычное происхождение для примеров с сохранившимися глухими нет оснований ввиду отсутствия среди известных нам соседних языков возможного источника заимствования.

²⁷ См. также [Morgenstierne 1950: 12].

²⁸ См. [Morgenstierne 1945: 243].

²⁹ Варианты с конечным дефисом — основы косвенных падежей.

³⁰ Об отражении групп **nt* и **ntr* в калаша см. также [Morgenstierne 1973: 199].

Ассимиляция звонкого в позиции после носового перед гласным для калаша, по-видимому, нехарактерна: učhund- ‘спускаться’ < *awaśčand- ‘спрыгивать’ [Turner 1966: 38], ср. др.-инд. skandati ‘прыгает’; brundik ‘разжевывать, скрипеть зубами’ [Trail, Cooper 1999: 51] < *wirand-, ср. др.-инд. radati ‘поет; царапает; грызет, гложет’, ср.-перс. randītan ‘строгать’, кхов. rondik ‘царапать’; riṅd ‘деревянный мячик’ [Trail, Cooper 1999: 245], ср. др.-инд. riṅḍa- ‘ком, кусок’, пали riṅḍa- ‘ком, шарик’, арм. rind ‘крепкий, сжатый’ (< иран.). Единственным примером, в котором можно предположить подобный историко-фонетический процесс, является b(h)onik ‘связывать, завязывать’. Однако, как указывает Г. Моргенстьерне [Morgenstierne 1973: 199], в калаша могла отразиться древняя презентная основа с суффиксом -nī- (ср. др.-инд. badhnāti ‘связывает’).

В языке пашаи рефлексы глухих и звонких согласных в позиции после носовых совпадают [Morgenstierne 1967: 36]. Обе серии отражаются как звонкие, т. е. имеет место озвончение глухих и сохранение звонких: sabaj- ‘делать, строить’ (*b* < *mb*) при др.-инд. sampradyate ‘сделан, произведен’; gambā ‘глубокий’ при др.-инд. gambhan- ‘глубина’; dānd ‘зуб’ при др.-инд. danta-, авест. daṅtan- с тем же значением; mand- ‘сбивать масло’ при др.-инд. manthati ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, хот.-сак. mamth- ‘сбивать масло’; pand ‘дорога’ при др.-инд. panthā, авест. paṅtā с тем же значением; andā ‘слепой’ др.-инд. andha-, авест. aṅda-, хот.-сак. hana- с тем же значением; xānd ‘плечо’ при др.-инд. skandha- с тем же значением; wənd- ‘находить’ при др.-инд. vindati ‘находит, обладает’, авест. viṅdənti ‘(они) находят’³¹. Данная рефлексация сходна с восточnodардской лишь частично, а именно в том, что касается глухих. Сохранение звонких в группах с начальным носовым является ярким отличием пашаи от восточnodардских языков.

В языке кховар в конце слова³² отражение консонантных групп с начальным носовым аналогично таковому в кохистанских языках и пхалура: эти группы теряют второй компонент (ср. don ‘зуб’ при др.-инд. danta-, авест. daṅtan- с тем же значением; yomun ‘зима’ при др.-инд. hemanta- с тем же значением; pon ‘дорога’ при др.-инд. panthā, авест. paṅtā с тем же значением; kan ‘дерево’ < *skānda-, ср. др.-инд. skandha- ‘ствол дерева’, skandhas- ‘крона дерева’³³; ḍim ‘тело, ствол дерева; живот’ при др.-инд. ḍimba- ‘тело’). В интервокальном положении рассматриваемые кластеры ведут себя так же, как в языке пашаи, т. е. глухие согласные озвончаются, а звонкие сохраняются без изменения (ср. andren ‘внутри’ при др.-инд. antar- ‘внутри’, antara- ‘внутренний’, авест. aṅtarə ‘внутри’, aṅtara- ‘внутренний’; канду ‘дикий миндаль’ при др.-инд. kāntā (название различных растений), вайгали kāṭa ‘миндаль’; tandeni ‘нитка в прялке’ при др.-инд. tanti-, tantu- ‘нить’; lmbēr ‘часть дверной рамы’ при др.-инд. umbara- ‘верхняя дощечка дверной рамы’; rondik ‘царапать, отчищать’ < *rand-, ср. др.-инд. radati ‘поет; царапает; грызет, гложет’, ср.-перс. randītan ‘строгать’; randezu ‘жареное мясо’ при др.-инд. randhayati ‘готовит пищу’). Предполагаемые исследователями отдельные возможные примеры утраты зубного после носового в интервокальном положении представляются нам спорными и могут иметь иное объяснение. Так, глаголы ušpunik ‘плясать; взбрыкивать (о лошади)’ и ušpuneik ‘заставлять прыгать’, по-видимому, следует сравнивать с др.-инд. phāṅāyati ‘заставляет прыгать’ (< *sphāṅāyati?)³⁴,

³¹ Примеры см. также [Morgenstierne 1967: 36–37].

³² Имеется в виду новый ауслат, возникших в результате падения древнего флективного показателя.

³³ Данная этимология представляется нам семантически более вероятной, чем предлагаемое Г. Моргенстьерне и Р. Тернером [Morgenstierne 1973; Turner 1966: 154] сопоставление с др.-инд. kāṅḍa- ‘узел растения; стрела’.

³⁴ Вероятнее всего, кховарские глаголы восходят к производному с превербом *ud-. Ср. также глагол phonik ‘танцевать’, возводимый Р. Тернером к тому же корню phan- [Turner 1966: 508].

а не с др.-инд. *spandati* ‘вздрагивает, трепещет’, как это делает Р. Тернер [Turner 1966: 89]. Глагол *manik* ‘тереть, шлифовать; штукатурировать’ может быть сопоставлен с др.-инд. *mṛdnāti* ‘трет, растирает, дробит, толчет’, и его, таким образом, не обязательно вслед за Р. Тернером [Turner 1966: 565] возводить к общеиндоиранскому корню **manth-* ‘сбивать масло, тереть’.

Все рассмотренные выше факты позволяют отражение древних консонантных кластеров с начальным носовым считать изоглоссой, объединяющей все восточнодардские языки и (за исключением отражений сочетаний типа «носовой + заднеязычный») противопоставляющей их всем прочим языкам дардской группы³⁵. Таким образом, она может рассматриваться как еще одна классифицирующая характеристика предполагаемой восточнодардской подгруппы.

Еще одна возможная общевосточнодардская черта упоминалась нами в прошлых работах³⁶. Речь идет о рефлексии ряда праиндоевропейских консонантных групп с начальными гуттуральными. В частности, утверждалось, что кластеры **ks*, **k's* и *k'p* отражаются в восточнодардских языках единообразно, а именно в виде церебрального *çh* или его более поздних рефлексов, в то время как в остальных языках дардской группы отражения сочетаний с начальным палатовелярным и простым велярным различны: первые переходят в палатальную аффрикату *çh*, вторые — в церебральную аффрикату *çh*, непосредственным прототипом которой, возможно, было сочетание **kʂ* [Коган 2000; 2005: 75—94]. В настоящее время, однако, данная точка зрения нуждается если не в пересмотре, то, по крайней мере, в уточнении. Детальный анализ материала, в том числе нового, показывает, что восточнодардская рефлексия кластеров с и.-е. начальным **k'* вовсе не является единообразной (ср. кашм. *çh-* глагол-связка, пхал. *çhītru*, шина *çeç* ‘поле’ при др.-инд. *kṣeti* ‘пребывает, проживает’, *kṣetra-* ‘поле, земля, местность’, авест. *šaēiti* ‘проживает’, *šōiθga-* ‘округ’ < и.-е. **k'pei-* [Pokorny 1959: 626]; шина (гильгитский диал.), сави *ĩç*, пхал. *ĩç*, *iç*, башк. *içh*, торв. *iç* ‘медведь’ при др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-* с тем же значением < и.-е. **ṛk'ro-* [Pokorny 1959: 875]; башк. *kaçāl*, торв. *kašāl*, сави *kaçalṭōpa*, говро, кашм. *kach* ‘подмышка’, торв. *kaç*, *kæš*, май. *kach(ē)*, *kas*, сави *kēç(i)*, шина *kaçi* ‘около, близко, рядом’ при др.-инд. *kaḥṣa-*, авест. *kaša-* ‘подмышка’ < и.-е. **kok'sā-* [Pokorny 1959: 611]³⁷; кашм. *kaçh* ‘нижняя часть груди, где качают детей’, май. *kuiçhi* ‘бок’ при др.-инд. *kukṣi-* ‘(беременная) утроба, живот, брюхо’, *kukṣi* (дв.ч.) ‘щеки, ягодицы’, др.-ир. **kuši-* ‘сторона, сторона тела, часть тела’ (> согд. *qwš-*, *qwšy-* ‘сторона, бок’) < и.-е. **kuk'-s-* [ЭСИЯ 4: 411—412]; кашм. *taçh-* ‘срезать, скрести’, *tōrach* ‘стамеска’³⁸, башк. *teçh*, шина *taçi* ‘струт’, торв. *taç-* ‘срубать’, *taç* ‘топор’, *tāç* ‘кирка; срубание’, май. *taçh-* ‘вырезать, плотничать’, *tas kar-* ‘срезать стружку (с куска дерева специальным топором)’, пхал. *taç-*, шина *thaç-* ‘рубить, тесать, обтесывать’, при др.-инд. *takṣati*, авест. *tašaiti* ‘обтесывает, плотничает’ <

³⁵ Неясной остается лишь ситуация с языком тирахи. Отражения в нем рассмотренных выше групп согласных не могут быть детально проанализированы вследствие крайнего недостатка материала.

³⁶ См., например, [Коган 2000; 2005].

³⁷ Развитие у производных древнего обозначения подмышки семантики ‘близко, рядом’ наблюдается также в отдельных индоарийских (неп. *kaḥā* < *kaḥṣa-* [Turner 1966: 128]) и нуристанских (вайг. *kaçāt* [ibid.]) языках. Ср. также послелог *kṣe* ‘в’ в языке пушту, восходящий к форме локатива того же слова — **kašai* [NEVP: 41].

³⁸ По-видимому, из более раннего **tach*. Срединное сочетание *ōr* возникло, вероятно, под влиянием *tūr* ‘струт, топорик’ (< **tōrī*, ср. форму косв. пад. ед.ч. *tōri*). Ср. пример появления неэтимологического сочетания *ar* в продолжении того же глагольного корня в персидском (*tarāšīdan* ‘тесать, стругать, вырезать’), объясняемое контаминацией с семантически близким глаголом *harāšīdan* ‘скрести, царапать’ [Cheung 2007: 389].

и.-е. *tekʰ- [Pokorny 1959: 1058—1059]; кашм. *dačhuun*, май. *dačhō*, шина *dačhiṇu* ‘правый’, башк. *lāčhim*, пхал. *dečhiṇi* ‘правая рука’, при др.-инд. *dakṣiṇa-*, авест. *dašina-* ‘правый’ < и.-е. *dekʰ-s-i-no- [Mayrhofer 1992: 690—691]; кашм. *mach* ‘плечо, рука выше локтя’ при авест. *aša-* ‘плечо’, др.-инд. *akṣa-* ‘ось’³⁹ < и.-е. *akʰs- (образование от корня *agʰ- ‘вести’ [Pokorny 1959: 4—7]); кашм. *mach* ‘утешение, мягкое убеждение, умиротворение’ при др.-инд. *mraḥṣati* ‘гладит, мажет’, *mraḥṣaṇa-* ‘масло’, где *kṣ* < и.-е. *kʰs < *gʰs⁴⁰).

Приведенные здесь рефлексy могут быть возведены к двум прототипам. Кашм. *čh*, а также фонемы *čh*, *ç* и *ṣ* в остальных восточnodардских языках представляют собой закономерные продолжения старой церебральной аффрикаты *čh*, в то время как кашм., май., говро *ch*, май. *s*, торв. *š*, башк., торв., сави, шина *č* отражают более раннюю палатальную аффрикату *čh*. Поскольку рефлексy обоих прототипов могут встречаться в производных одного корня⁴¹, явный разнобой в звукосоответствиях должен объясняться одной из двух причин: заимствованием из родственных языков или позиционными историко-фонетическими процессами⁴². Первое объяснение представляется теоретически возможным лишь для части примеров. Так, кашм. *kačh* ‘подмышка’ могло бы быть усвоено из некоторого индоарийского языка, где соответствующее слово имело палатальную аффрикату (ср. пандж., лахнда *kačh* ‘подмышка’). Речь в этом случае должна идти о раннем заимствовании, проникшем в кашмири до дентализации старых аффрикат палатального ряда. Однако данная гипотеза маловероятна для этимологически родственных примеров из других восточnodардских языков, в том числе из не подвергавшегося значительному индоарийскому влиянию языка шина⁴³. В этом последнем, в свою очередь, внешним влиянием может объясняться палатальная аффриката в глаголе *thač-* ‘рубить, тесать, обтесывать’. Источником заимствования в данном случае мог являться соседний с шина язык кховар (ср. кхов. *točh-* ‘рубить’). В то же время заимствование из кховар по лингвогеографическим причинам представляется невероятным для май. *tas* ‘срезание стружки’, также обнаруживающего рефлекс палатального. Для данного слова внешний источник не просматривается, и сомнения в его исконности безосновательны.

Позиционное распределение церебральной и палатальной аффрикат и их рефлексов представляется неочевидным. В начале слова отмечены только продолжения более раннего церебрального *čh*⁴⁴. В интервокальном положении встречаются обе аффрикаты и их более поздние отражения. При этом, однако, обращает на себя внимание тот факт, что среди примеров интервокальной палатальной аффрикаты (и ее продолжений) совершенно отсутствуют несомненные древние образования. Так, суффиксальный элемент *āl* в башк. *kačāl*, торв. *kašāl* и элемент *al* в сави *kačalṭōra* ‘подмышка’ не обнаруживают никаких этимологических связей в древних арийских языках, что позволяет считать их поздними наращенными. Краткий *i* в шина представляет собой суффикс, часто встре-

³⁹ Начальный *m*, вероятно, по аналогии с *moč* ‘плечи, закорки’.

⁴⁰ Данный корень исторически представляет собой суффиксальное образование (вероятнее всего, остаток вышедшего из употребления *s*-презенса) корня *mṛj-* ‘тереть’ < и.-е. *melgʰ- [Mayrhofer 1963: 668, 670—671]. Характерное для кашмири семантическое развитие находит типологическую параллель, например, в русском языке (ср. *умасливать, подмазывать*).

⁴¹ Ср., например, приведенные выше различные образования от индоевропейского корня *tekʰ-.

⁴² Следует также иметь в виду возможность отдельных случаев изменения по аналогии.

⁴³ Примечательно, что в шина данная основа утратила значение части тела и употребляется исключительно в значении ‘около, близко, рядом’. Такая семантическая трансформация, разумеется, могла произойти с индоарийским заимствованием, но только в том случае, если оно было усвоено достаточно давно, что для языка шина маловероятно.

⁴⁴ Ср. первые три примера из приведенного выше списка.

чающийся в наречиях места (ср. *āni* ‘здесь’, *āli* ‘там’, *kōni* ‘где?’, *khiri* ‘внизу’), и современная форма *kaṣi* ‘около, близко, рядом’ может, таким образом, являться производной от более раннего **kaṣ*, образованной в сравнительно недавнее время по аналогии с рядом семантически близких слов. В языке сави форма *kēṣi* ‘около, рядом’, по всей видимости, является формой локатива от **kaṣ*, образованной по продуктивной модели при помощи суффикса *ĩ*⁴⁵. Синхронной формой локатива является и май. *kaṣhē*. С другой стороны, в тех случаях, когда интервокальная позиция, несомненно, является старой, мы обнаруживаем церебральную аффрикату или ее рефлекс (ср. кашм. *daṣhuun*, май. *daṣhō*, шина *daṣhiṇu* ‘правый’, башк. *lāṣhim*, пхал. *deṣhiṇi* ‘правая рука’, при др.-инд. *daṣiṇa-*, авест. *daṣina-* ‘правый’; ср. также приводившиеся выше глагольные основы, восходящие к и.-е. **tekʰr-*, последний согласный в которых почти всегда предшествует форманту, начинающемуся с гласного⁴⁶).

Таким образом, для любого восточнотуркестанского языка можно постулировать более раннее состояние, в котором палатальная аффриката могла встречаться только в позиции конца слова. Для некоторых языков (в частности, для кашмири) такая ситуация характерна и на синхронном уровне. Вместе с тем в конечной позиции, как и в интервокальной, наблюдается разнотипность рефлексов, требующий объяснения. Отчасти он связан с позиционными фонетическими изменениями, приведшими к церебрализации более ранней палатальной аффрикаты. Именно так, по всей видимости, следует объяснять появление конечных церебральных в названиях медведя (шина — гилгитский диал., сави *ĩṣ*, пхал. *ĩṣ*, башк. *iṣh*, торв. *iṣ* при др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*). Церебрализация в данном случае могла быть вызвана соседством со слоговым *ṛ*, фонетически представлявшим собой сочетание типа «гласный + *r*»⁴⁷. В отдельных случаях появление церебрального, возможно, было связано с изменениями по аналогии. Так, конечный церебральный сибилант в торв. *tæṣ* ‘топор’ и *tāṣ* ‘кирка; срубание’, возможно, возник под влиянием форм глагола *taṣ-* ‘срубать’.

Один из приведенных выше примеров заслуживает особого рассмотрения. Это кашм. *kəṣh* ‘нижняя часть груди, где качают детей’ при др.-инд. *kukṣi-* ‘(беременная) утроба, живот, брюхо’, *kukṣi* (дв. ч.) ‘щеки, ягодицы’, др.-ир. **kuṣi-* ‘сторона, сторона тела, часть тела’. Конечный *ṣh* в кашмирском слове регулярно продолжает более старый церебральный *ṣ*. Причина появления в этом слове рефлекса церебрального, а не палатального на первый взгляд неясна. Ясно лишь то, что она едва ли может заключаться в каких-то позиционных историко-фонетических процессах, поскольку в других словах в аналогичной позиции мы обнаруживаем отражение палатальной аффрикаты (ср., напр., *kaṣh* ‘подмышка’).

Найти приемлемое объяснение, возможно, поможет привлечение внешних данных. Кашмирское слово имеет этимологическое соответствие в языке майян (*kuiṣhi* ‘бок’), в котором церебральная аффриката находится не в конечном, а интервокальном положении. Оба существительных (кашмирское и майян) относятся к женскому роду, из чего, в частности, следует, что конечный краткий *i* в майян продолжает долгий *ī* — обычное окончание имен женского рода в дардских языках. В кашмири это окончание пало, однако его падение, по всей видимости, следует датировать относительно недавней эпо-

⁴⁵ Подробнее об этом суффиксе см. [Buddruss 1967: 33—34].

⁴⁶ Большая часть этих формантов унаследована от общеарийского (а часто и от праиндоевропейского) языкового состояния.

⁴⁷ В позиции после слогового *ṛ* в дардских языках часто происходила и церебрализация зубных смычных. Подробнее см. [Коган 2005: 22—26].

хой. В работе [Коган 2009] мы показали, что данный процесс завершился (исчезновением конечного краткого *i*, развившегося из более раннего долгого *ī*) уже после развития умлаута, а следовательно, заметно позже начала усвоения языком кашмири персидских и арабских заимствований. Таким образом, можно говорить о новом кашмирском ауслaute, где индоевропейские сочетания *k's и *k'ɾ отражаются так же, как в интервокальной позиции. Такой же новый ауслaut следует предполагать и для башк. teçh 'струт', где гласный *e* явно развился из более раннего *a* в позиции *i*-умлаута и, таким образом, указывает на наличие в прошлом конечного *ī*⁴⁸.

Переход этимологических соответствий др.-инд. kukṣi- в женский род в части дардских языков⁴⁹ может объясняться тем фактом, что в древности это слово весьма часто выступало в форме двойственного числа с окончанием -ī⁵⁰, впоследствии воспринятое как окончание женского рода. По всей видимости, аналогичный процесс затронул также название глаза. Данное общепарийское слово, относившееся в древности, вероятнее всего, к среднему роду (ср. др.-инд. akṣi-, авест. aš- с.р.) имеет во многих дардских языках продолжения женского рода. При этом все восточnodардские обозначения глаза обнаруживают конечный долгий *ī* или его следы (в частности, в виде *i*-умлаута): торв. ašī (ж.р.), башк. eç (ж.р.), май. aŭçhi (ж.р.), пхал. açhi (ж.р.; мн.ч. açhīa), шина açhī (ж.р.), кашм. açh (ж.р.). Этот долгий *ī* исторически может (как и в случае с соответствиями др.-инд. kukṣi-) представлять собой переосмысленный показатель двойственного числа⁵¹.

Праиндоевропейский прототип арийских названий глаза реконструируется как *ok^w(e)s- или *ok^wɾ- [Pokorny 1959: 775—777], однако его продолжения в нуристанских, части дардских языков, а также в языке Авесты ясно указывают на праформу с палатальным *k'* (*ok's- или *ok'ɾ-). В наших прошлых работах [Коган 2000; 2005: 92—93] мы показали, что данная нерегулярность, вероятнее всего, объясняется имевшей место еще в общепарийскую эпоху контаминацией с синонимичным словом, восходящим к и.-е. *k^wek's- (ср. др.-инд. sakṣus-, авест. šašman- 'глаз'). Из этого следует, что приведенные здесь восточnodардские формы могут с полным основанием рассматриваться вместе с примерами отражения индоевропейских групп с начальным палатальным (вернее, их общепарийских рефлексов) в виде церебральной аффрикаты в интервокальном положении.

Суммируя вышесказанное, мы можем констатировать, что восточnodардское отражение праиндоевропейских сочетаний *k's и *k'ɾ в виде церебральной аффрикаты çh или ее более поздних продолжений характерно для всех позиций в слове, кроме конечной, где следует предполагать палатальный рефлекс. Данная рефлексация прослеживается во всех языках, традиционно относимых к восточnodардским, и при этом противопоставляет их дардским языкам прочих ветвей. Таким образом, она может быть признана общевосточnodардской классифицирующей характеристикой. Относительно характера рассмотренных выше историко-фонетических процессов представляется необходи-

⁴⁸ Данной точки зрения придерживается Р. Л. Тернер, предполагающий для слова башкарик праформу *takṣī [Turner 1966: 319]. Интересно, что в приведенном нами списке примеров данному слову противопоставляют слова кашмири и майян (tōrach и tas соответственно), восходящие, скорее всего, к основам на краткий *a* (вероятно, к именам действия, ср. др.-инд. имя деятеля takṣa- 'плотник'). Кашмирское слово относится к женскому роду, однако отсутствие в нем следов *i*-умлаута не позволяет возвести его к древней основе на долгий *ī*. По-видимому, в женский род оно перешло под влиянием других слов с исходом на *ch* (ср. rach, ж.р., 'вера, доверие', tach, ж.р., 'пустык', tɕh, ж.р., 'сила', uesh 'желание' и мн. др.).

⁴⁹ В древнеиндийском данное слово относится к мужскому роду.

⁵⁰ Такая ситуация зафиксирована в древнеиндийском.

⁵¹ Показательно, что в языке Авесты данное слово засвидетельствовано только в форме двойственного числа (ašī).

мым сделать некоторые дополнительные пояснения. Все встреченные нами примеры с отражением и.-е. *k's и *k'ɾ в виде палатальной аффрикаты или ее рефлексов относятся или восходят к именным частям речи. Имена с исходом на согласный в современных восточнотуркменских языках, как правило, восходят к древним формам номинатива, образованных от основ с исходом на краткий гласный. Иными словами, современная конечная позиция возникла из древней интервокальной. Единственная особенность этой старой интервокальной позиции состояла в том, что второй гласный всегда был кратким и относился к последнему слогу. При нынешнем уровне знаний мы не можем с уверенностью утверждать, что утрата древних номинативных показателей была свершившимся фактом в общевосточнотуркменскую эпоху. Поэтому более осторожно выведенное нами выше правило можно было бы сформулировать так: праиндоевропейские сочетания *k's и *k'ɾ отражаются в восточнотуркменских языках в виде палатального čh и его более поздних продолжений в древней интервокальной позиции перед последним кратким гласным в слове.

Необходимо иметь в виду, что данное правило относится только к рефлексам индоевропейских консонантных групп с начальным палатовелярным. Сочетание *ks во всех позициях отражается единообразно — в виде čh или его более поздних рефлексов (ср. кашм. čhir 'овечье или козье молоко', башк., пхал. čhīr, сави čhir, торв. čhī 'молоко', шина čīri 'вымя' при др.-инд. kṣīra- 'молоко', kṣīrin- 'дающий молоко', общеиран. *xšīra- 'молоко' > осет. æхсур, мундж. хšīro с тем же значением⁵²; шина phačīli 'крыло, перо', май. rāčh, говро rāše 'перо', кашм. (диал. каштавари) račhaṇ, сави rhēčīna, башк. račhin, торв. rešīn 'птица' при др.-инд. rakṣa- 'перо, крыло, бок', rakṣin- 'крылатый; птица', осет. faxs 'бок' < и.-е. *pok-s- [Pokorny 1959: 792]; кашм. māčh, майян maŭčhī, шина (гильгитский диал.) mašī, 'муха', пхал. mačurī, башк. māčēr 'пчела', пхал. mēčhī, шина mačhī, кашм. māčh 'мед' при др.-инд. makṣā 'муха, пчела', mākṣika- 'пчелиный; мед', авест. maχši- 'муха' < и.-е. *mak-s- [Pokorny 1959: 699]; кашм. račh-, май. račh- 'защищать', шина (гильгитский диал.) račh- 'беречь, наблюдать, караулить' при др.-инд. rakṣati 'охраняет' < и.-е. *aleks-⁵³; кашм. yečh 'домовой, сверхъестественное существо', шина yač 'демон' при др.-инд. yačṣa- 'явление, предзнаменование; призрак, якша (вид сверхъестественных существ)', yačṣ- 'являться, показываться, обнаруживаться', общеиран. *yaχš- > ягн. yaχš- 'виднеться'⁵⁴; кашм. wačh 'грудь' при др.-инд. vakṣas- то же, осет. wæχsk 'плечо' < *wek-s- [Абаев 1989: 100—101]).

Рефлекс и.-е. *k's и *k'ɾ может быть с полным основанием реконструирован для общедардского праязыкового состояния в виде палатального čh⁵⁵. Поэтому причиной наличия у данных сочетаний двух общевосточнотуркменских рефлексов (церебрального и палатального) следует считать церебрализацию более старой палатальной аффрикаты в ряде позиций. Правило распределения этих рефлексов в окончательной формулировке будет, таким образом, выглядеть следующим образом: *общедардская палатальная аффриката čh, в общевосточнотуркменском праязыковом состоянии переходит в церебральную аффрикату čh везде, кроме древней интервокальной позиции перед последним кратким гласным в слове.*

⁵² Соответствие др.-инд. kṣ общеиран. хš четко указывает на праиндоевропейский прототип с начальным велярным.

⁵³ М. Майрхофер предлагает для данного слова реконструкцию с начальным вторым ларингалом — *h₂leks- [Mayrhofer 1996: 422].

⁵⁴ Соответствие др.-инд. kṣ общеиран. хš четко указывает на праиндоевропейский прототип с начальным велярным.

⁵⁵ Отражения этих сочетаний в дардских языках, не относящихся к восточнотуркменским, подробно рассматриваются в нашей монографии [Коган 2005: 75—94].

Мы рассмотрели три изоглоссы, объединяющие практически все языки, традиционно относимые к восточnodардской подгруппе⁵⁶ и при этом противопоставляющие их остальным дардским языкам. К этим изоглоссам следует добавить упомянутый в начале данной статьи и подробно проанализированный в работе [Васильев, Коган 2013] переход *st > (t)th в интервокальном положении. Сам факт наличия общих инноваций, объединенных в пучок, заставляет нас признать существование восточnodардской генетической общности весьма вероятным. Представляется, однако, небезынтересным остановиться на еще одном вопросе: не могло ли появление общих восточnodардских изоглосс быть следствием языковых контактов, в частности, контактов с индоарийскими языками⁵⁷? Для ответа на этот вопрос необходимо представлять себе общую картину распространения данных изоглосс в ареалах, географически близких к восточnodардскому. Эта картина хорошо описывается при помощи следующей таблицы:

Табл. 1.

Историко-фонетическая изоглосса	Распространение в дардских языках, не относящихся к восточnodардским				Распространение в арийских языках прочих подгрупп		
	кунарские	пашаи	кховар	калаша	индоарийск.	иранск.	нуристанск.
*-st- > -(t)th(-)	—	—	—	—	+	—	—
*śr > ṣ (во всех позициях)	—	—	—	—	—	+	—
*-NT- > -ND(-), *-ND- > -NN(-)	—	—	—	—	+	+	—
*čh-, -čh- > *-čh- (кроме позиции перед последним кратким гласным в слове)	—	—	—	—	—	—	—

Как можно видеть из таблицы, ни один язык, не относящийся к восточnodардским, не разделяет всего пучка выделенных нами изоглосс. Более того, большая часть привлекавшихся для сравнения языков не затронута ни одной из них. Исключение составляют лишь индоарийские и иранские языки, но и в них отмечены лишь две из четырех рассмотренных выше черт. Таким образом, можно констатировать, что эти черты в целом мало распространены за пределами восточnodардской подгруппы. Наличие же историко-фонетического перехода, характерного исключительно для восточnodардских языков (церебрализация палатального čh), и вовсе исключает возможность того, что весь восточnodардский пучок инноваций возник вследствие внешнего влияния.

Сокращения

авест. — авестийский
 асс. — ассамский
 башк. — башкарки
 бенг. — бенгали
 вах. — ваханский
 г.-б. — гавар-бати
 гудж. — гуджарати

др.-инд. — древнеиндийский
 др.-иран. — древнеиранские
 диалекты
 др.-перс. — древнеперсидский
 зап. пах. — языки западной
 подгруппы группы пахари
 кал. — калаша

катар. — катаркалаи
 кашм. — кашмири
 кл.-перс. — классический персидский
 кхов. — кховар
 май. — майян
 мар. — маратхи

⁵⁶ Некоторая степень неопределенности может оставаться для малоизученных языков, для которых известен лишь небольшой объем лексики, например для катаркалаи или чилиссо.

⁵⁷ О благоприятных условиях для таких контактов см. [Васильев, Коган 2013].

неп. — непали	пракр. — пракриты	торв. — торвали
нинг. — нингалами	пхал. — пхалура	хот.-сак. — хотаносакский
общеарийск. — общеарийский	синг. — сингальский	цыг. — цыганский
осет. — осетинский	согд. — согдийский	шум. — шумашти
пандж. — панджаби	ср.-перс. — среднеперсидский	
паш. — пашаи	тир. — тирахи	

Литература

- Абаев, 1989 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Том IV. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. [Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*. Tom IV. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989.]
- Васильев, Коган 2013 — Васильев М. Е., Коган А. И. К вопросу о восточнодардской языковой общности // *Вопросы языкового родства*, №10 (2013). С. 149—177. [Vasil'ev M. E., Kogan A. I. K voprosu o vostochnodardskoj yazykovoj obschnosti // *Voprosy yazykovogo rodstva*, №10 (2013). S. 149—177.]
- Коган 2000 — Коган А. И. О рефлексации некоторых индоевропейских консонантных групп с начальными гуттуральными в дардских языках // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции*. М.: РГГУ, 2000. С. 65—88. [Kogan A. I. O refleksatsii nekotorykh indoevropejskikh konsonantnykh grupp s nachal'nymi guttural'nymi v dardskikh yazykakh // *Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya*. M., 2000. S. 65—88.]
- Коган 2005 — Коган А. И. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.: Восточная литература, 2005. [Kogan A. I. *Dardskie yazyki. Geneticheskaya kharakteristika*. M.: Vostochnaya literatura, 2005.]
- Коган 2009 — Коган А. И. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики IV*. М.: РГГУ, 2009. С. 25—54. [Kogan A. I. K voprosu o ryade foneticheskikh izmenenij v yazyke kashmiri i ikh otnositel'noj datirovke // *Aspekty komparativistiki IV*. M.: RGGU, 2009. S. 25—54.]
- Эдельман 1992 — Эдельман Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // *Вопросы языкознания*, № 3, 1992. [Edel'man D. I. Esche raz ob etapakh filiiatsii arijskoj yazykovoj obschnosti // *Voprosy yazykoznanija*, № 3, 1992.]
- ЭСИЯ 4 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Том 4: *i-k*. М.: Восточная литература РАН, 2011. [Edel'man D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov*. Tom 4: *i-k*. M.: Vostochnaya literatura RAN, 2011.]
- Biddulph 1880 — *Tribes of the Hindoo Koosh* by Major J. Biddulph, B.S.C., Political Officer at Gilgit. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1880.
- Buddruss 1959 — Buddruss G. *Kanyawali. Proben eines Maiyā-Dialektes aus Tangir (Hindukusch)*. München, 1959.
- Buddruss 1960 — Buddruss G. *Die Sprache von Wotapur und Katarqala*. Bonn, 1960.
- Buddruss 1967 — Buddruss G. *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan (Beiträge zur Kenntnis des Dardischen Phalura)*. München, 1967.
- Buddruss 1977 — Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nuristan-Sprachen des afghanischen Hindukusch // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. H. 36. München, 1977.
- Edelman 1983 — Edelman D. I. *The Dardic and Nuristani languages*. M., 1983.
- Cheung 2007 — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden—Boston: Brill, 2007.
- Grierson 1919 — Grierson G. A. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 2. *Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmiri)*. Calcutta, 1919.
- Grierson 1929 — Grierson G. A. *Torwali, an Account of a Dardic Language of the Swat Kohistan*. L., 1929.
- Grierson, 1915—32 — Grierson G. A. *A Dictionary of the Kashmiri Language*. Vol. I—IV (Bibliotheca Indica. Work No. 229) Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1915—32.
- Mayrhofer 1963 — Mayrhofer M. *Kurtzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1963.
- Mayrhofer 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I Band. Heidelberg: Carl Winter — Universitätsverlag, 1992.

- Mayrhofer 1996 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. II Band. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1996.
- Morgenstierne 1926 — Morgenstierne G. *Report on a Linguistic Mission to Afghanistan*. Oslo, 1926.
- Morgenstierne 1932 — Morgenstierne G. *Report on a Linguistic Mission to North-Western India*. Oslo, 1932.
- Morgenstierne 1940 — Morgenstierne G. Notes on Bashkarik // *Acta Orientalia*, vol. XVIII, pt. 3 — 4. Leiden, 1940. P. 206—257.
- Morgenstierne 1945₁ — Morgenstierne G. Notes on Shumashti, a Dardic Dialect of the Gawar-Bati Type // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd. XIII. Oslo, 1945.
- Morgenstierne 1945₂ — Morgenstierne G. Indo-European k' in Kafiri // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd. XIII. Oslo, 1945.
- Morgenstierne 1947 — Morgenstierne G. Some Features of Khowar Morphology // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd. XIV. Oslo, 1947. P. 5—28.
- Morgenstierne 1950 — Morgenstierne G. *Notes on Gawar-Bati*. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo. II. Hist. — Filos. Klasse, 1950, No. 1, Oslo, 1950.
- Morgenstierne 1956 — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol III: *The Pashai Language*, pt. 3, *Vocabulary*. Oslo: Aschenoug & Co., 1956. 238 p.
- Morgenstierne 1961 — Morgenstierne G. Dardic and Kafir Languages // *The Encyclopedia of Islam*. Vol. 2, Fasc. 25. Leiden, Brill, 1961.
- Morgenstierne 1967 — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. III. *The Pashai Language*. 1. *Grammar*. Oslo: Universitetsforlaget, 1967. 337 pp.
- Morgenstierne 1973₁ — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. IV. *The Kalasha Language*. Oslo: Universitetsforlaget, 1973. 238 p.
- Morgenstierne 1973₂ — Morgenstierne G. Sanscritic Words in Khowar // *Irano-Dardica*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1973. P. 256—272.
- NEVP — *A New Etymological Vocabulary of Pashto* by Georg Morgenstierne. Compiled and Edited by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003.
- Online Torwali Dictionary 2011 — Center for Language Engineering. Online Torwali Dictionary. http://www.cle.org.pk/software/ling_resources/otd.htm
- Pokorny 1959 — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München: Francke Verlag, 1959.
- Strand 1973 — Strand R. F. Notes on Nuristani and Dardic Languages // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 93, No. 3, New Haven, 1973.
- Strand 2006 — Strand R. F. *Phylogenetic Classification of the Region's Languages*. <http://nuristan.info/IngIndex0.html>
- Trail, Cooper 1999 — *Kalasha Dictionary with English and Urdu* compiled by R. L. Trail, G. R. Cooper. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaidi-i-Azam University, Summer Institute of linguistics, 1999.
- Woolner 1917 — Woolner A. C. *Introduction to Prakrit*. Calcutta, 1917.
- Zoller 2005 — Zoller C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani*. Volume 1: *Dictionary*. Berlin — New-York: Mouton de Gruyter, 2005.

Anton Kogan. Some issues of the genealogical classification of the Dardic languages based on historical phonology.

Until recently, the genetic classification of Dardic languages has remained unclear in many respects. One of the questions that has not yet received a convincing answer is the existence of a separate East Dardic branch. A recent study of East Dardic lexical data by means of a modernized version of the lexicostatistical method has shown that East Dardic languages undoubtedly constitute a genetically valid linguistic entity. In the present paper an attempt is made to establish historical phonological innovations that would be common to all of them. In particular, the author has successfully revealed a bundle of four isoglosses that clearly distinguish East Dardic from the rest of the Dardic group. Although some of these isoglosses also involve other languages of the area, namely Indo-Aryan and Iranian, the whole bundle is not found anywhere outside East Dardic.

Keywords: language classification, historical phonology, Dardic languages, Aryan languages.

